
Сергей ЗЕЛЬДИН

РАССКАЗЫ

БОЛЬШОЙ ГОЛУБОЙ ОКЕАН

Whenever we get back to the big blue ocean
We always watch the sky with no fear... —

пела группа «Еллоу».

Уиневр ви гет бэк ту зе биг блю оушен
Ви олвэйз уоч зе скай уиз ноу фир... —

зачарованно повторил Сергей Леонидович Зелепукин.

Он со школы не знал английского, но мог читать со словарем. Тем более что сейчас телефоны все переводили сами:

Всякий раз, когда мы возвращаемся к большому голубому океану,
Мы всегда смотрим на небо без страха... —

означал перевод в данном случае.

Сергей Леонидович давно заметил, что слова зарубежных песен в ютубе лишены всякого смысла, но понимал, что это не вина Стинга, Кейт Буш или Энии, а просто все дело в механистическом, «деревянном», как бы сказать, компьютерном переводе.

Но группу «Еллоу» Сергей Леонидович обожал, не нуждаясь в переводе. Он, что называется, чувствовал их песни нутром. Они задевали самые глубокие и, казалось бы, давно оборванные струны его души. Особенно «Драйв Дривен», «Капри коллин», «Дизайр», «Мин мандэй», «Он трэк», «Пинболл ча ча», еще некоторые, но особенно «Дарк сайд», а больше всего «Трэклесс дип». Конечно, он тащился и от «Ай ин зе скай» группы «Алан Парсонз проджект», и от «Брэкфаст ин Америка» группы «Супертрэмп», от «Гуд бай Еллоу Брик Роуд» Элтона Джона и от «Миллениум» Робби Вильямса, хотя, вообще-то, англичан недолюбливал за их русофобию, но в основном угорал от «Еллоу».

И он ставил этот мало кому известный швейцарский коллектив выше всего остального, что было рождено человечеством в области музыки. Автора же песен Бориса Бланка, однофамильца Сруля Мойшевича Бланка, дедушки Владимира Ильича Ленина, Сергей Леонидович считал Гением с большой буквы, возможно, даже сущностью из другого измерения или посланцем параллельных миров. Он считал его как художника не ниже Франца Кафки, а возможно, и равным.

Сергей Леонидович Зельдин родился в 1962 году в Краснодарском крае, станица Ярославская. Работал стеклодувом, был бизнесменом, инкассатором, политиком. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Слово/Word», «Журнал Вадима Ярмолинца», «Новый берег», «Крещатик», в интернет-издании «Чайка». Живет в городе Житомире (Украина).

Франца Кафку он обожал от и до, хотя и несколько отстраненно, как шум океана или туманность Волосы Вероники, снятую телескопом «Хаббл».

А композиции группы «Еллоу» действовали прямо на подсознание Сергея Леонидовича, как это присуще музыке, и вызывали блаженство, которое было сопоставимо лишь с поллюциями юности.

Вообще, со свойственной ему тягой расставлять точки над всеми «и» Сергей Леонидович считал музыку, по крайней мере попсу, самым главным видом искусства, как говаривал Ильич.

Ведь, согласитесь, картины художников нужно разглядывать, думать, что именно мастер хотел сказать этими подтеками на холсте и убеждать себя, что картина «Подсолнухи» действительно стоит сто миллионов долларов. Хуже же всего с чтением — тут уж приходится включать мозг на полную, собирать буквы в слова, слова во фразы, так что под конец на само удовольствие от книги не остается сил, а лишь головная боль, чего человек, уставший после работы, старается избегать. Музыка же, точнее, музон — такого не требует, действует исподволь на ваши гипофиз и мозжечок, приводя к удовольствию коротким путем без всяких умственных усилий. И слушая песни Леди Гаги или «Побрей п...!» группы «Ленинград», слушатель получает чистое, незамутненное удовольствие.

Так это было или не так, но Сергею Леонидовичу казалось, что так.

Поэтому если вы рождены любимцем Аполлона, то выгоднее всего вам быть композитором. Немного хуже, хотя и почтеннее, стать художником и рисовать картины на стыке Ван Гога и Сальвадора Дали. И уж совсем плохо быть писателем и гнать туфту в стиле Чехова вместо романов о похождениях Эраста Фандорина или «лав стори», как у Дидар Алтынай. На романах же фэнтези можно вообще рубить миллиарды, но тут нужен талант, как у Джоанны Роллинг, а это никому не дано.

Сергей Леонидович тоже был творческой личностью, но, к несчастью, не настолько, чтобы сочинять мелодии для житомирской рок-группы «Друга ріка» или писать портреты бультерьеров, за что их хозяева платили по триста, четыреста, а то и по пятьсот евриков.

В свое время, которое теперь было таким далеким, что впору было говорить: «во время оно», то есть до войны, Сергей Леонидович Зелепукин любил писать рассказы, и его псевдоним «Человек без щитовидки» довольно громко гремел на страницах журналов, пусть и не самых толстых.

Он сочинял иронические штучки, эдакие рассказушки о маленьком человеке, измородованном судьбой и подыхающем на обочине жизни.

Сергей Леонидович начал писать поздно — в пятьдесят три. Конечно, в таком возрасте многие пишут уже давно и даже успевают исписаться, а то и умереть под бременем славы. А с Сергеем Леонидовичем ничего такого не было, он был свеж и бодр плюс к этому обладал жизненным опытом, чем не обладают молодые начинающие. Им даже приходится ходить «в люди», как Горькому: копать на кладбищах могилы или принимать наркотики, чтобы развить свой кругозор и найти свою тему.

Вообще, Сергей Леонидович хотел бы посоветовать будущим писателям не начинать сочинять слишком рано, пока они не отслужат в армии, не женятся и не родят пару-тройку детей. Тогда-то можно приступать к творчеству. Упущенное время быстро возместится приобретенным опытом, а вы будете избавлены от многих розовых иллюзий и глупых заблуждений, которые не пристали инженерам человеческих душ.

Уж если существуют виды восточных единоборств, где нельзя начинать тренировки раньше пятидесяти лет, то что говорить о такой серьезной вещи, как писательство?

Поэтому, начав писательский путь на шестом десятке, Сергей Леонидович избегнул многих кривых дорожек и обманчивых путей, а сразу пошел, можно сказать, попер прямым курсом, как ледокол или лесной олень, ломящийся сквозь чашу.

Поскольку к этому времени Сергей Леонидович прочел очень много книг, включая классические, он приобрел большой вкус и мог начать писать без раскачки и без мучительных поисков.

Сергей Леонидович Зелепукин всегда был очень ироничным, так что его даже боялись знакомые. Поэтому и писать он планировал в этом ключе.

А так как он прочел в свое время статью Стендаля, который на самом деле был не Фредериком, а Анри, «О природе смешного», то дальше уже было дело техники.

И действительно, оказалось, что рассказы Сергея Леонидовича о дураках, избравших неверный путь к счастью и погибших на этом пути, пришлись по душе читателям, которым льстило, что есть еще большие лохи, чем они.

Не то чтобы эта короткая проза свежим ветром влетала в мировую литературу или что за нее платили деньги, но это было нужно самому Сергею Леонидовичу, так как ему было уже шестьдесят, а на седьмом десятке жить очень скучно.

Но конечно, в случае чего этих пара лишних гривен не помешали бы, так как денег у Сергея Леонидовича всегда было мало. Он даже любил говорить, отдавая должное литературным достоинствам этой фразы, что он «бедный больной старик». Но по большому счету ему было наплевать.

Что говорить, если сам великий Кафка не получал ни пфеннига за свои шедевры, спертые у него друзьями и напечатанные в каком-нибудь тонком журнальчике?

Разумеется, писатель Зелепукин не противоречил, что в чем-то хуже Франца Кафки, но иногда его посещала мысль, что если бы сейчас журнал «Дон» получил по электронной почте «Отклоненное ходатайство», «Стук в ворота» или «Блюмфельд, старый холостяк», то Франц бы не получил отсюда ни ответа, ни привета, не говоря уже о том, чтобы быть напечатанным в таком серьезном толстом органе. Даниила же Хармса там выкинули бы после первых же слов: «Сенька стукнул Федьку по морде и спрятался под комод».

И все же, несмотря на эти реалии, Кафка совершенно великолепный писатель. Брачный аферист, явно ненормальный тип, зарабатывающий на жизнь очковтирательством, естественно, еврей, одним словом, гений.

Совершенно очевидным было для Сергея Леонидовича, что гениальнее его нет никого.

Иногда ему казалось, что Свифт в своем безумном «Скромном предложении» почти приближается к Кафке, но потом видел, что — нет.

Исключение составлял разве что Борис Мойшевич Бланк из группы «Еллоу», но поскольку он был не писатель, а музыкант, то он не считался.

Но все это была ерунда, а важно было то, что Сергей Леонидович Зелепукин с самого начала войны ничего не писал, чтобы хоть немного отвлечься от жизни.

Да и как было писать с иронией, когда в одном только Мариуполе убили двадцать две тысячи мирных жителей?

Но разве Кафку остановила Первая мировая война, страшная и ужасная? Нет, не остановила и не оставила на бумаге следа, за исключением пары строчек в дневнике. Зато в эти кошмарные годы им был написан «Процесс». А «Набор рекрутов» хотя и имеет военное название, но имеет такое же отношение к войне, как Путин к Сталину.

Так не надо ли, думал Сергей Леонидович, писать, не обращая внимания ни на что? Но конечно, не в забавном ключе, а как Зощенко, который во время Великой Отечественной сочинял рассказы о ленинградских партизанах.

С другой стороны, даже в этом случае Сергей Леонидович не представлял, как подойти к писанию. На фронте он не был, знакомых партизан не имел, а писать, отталиваясь от новостей ютуба, не хотелось даже пробовать.

И все же надо было что-то предпринять, так как он совершенно отчетливо чувствовал, что скоро чокнется.

Когда-то он смеялся, читая у Кафки, что «писатель не должен отходить от письменного стола, чтобы не сойти с ума».

Сергей Леонидович думал, что Франц фигурирует. Но теперь он видел, что — нет. Надо было писать, и все.

Зелепукин почувствовал окрыленность. Тем более что создались исключительные творческие условия: жена уехала беженкой в Финляндию, тетя боялась ракет и жила на даче, пульт от телевизора сломался. Сергей Леонидович томился днем, тосковал вечерами и уже начинал развязываться с водочкой.

Он подумал и решил плюнуть на партизан:

— Ля-ля-ля-ля-а-а!.. — запел «Человек без щитовидки». — Биг блю оушен, биг блю оушен!..

Он достал ноутбук и напечатал:

«БОЛЬШОЙ ГОЛУБОЙ ОКЕАН».

НЕ НУЖНО ЛОЖИТЬСЯ ПОД ПОЕЗД

Какие-то запасные пути.

Чувствуется близость Москвы-Товарной или Саратова-Сортировочного.

Солнышко поигрывает на рельсах, ветерок колышет травку между шпал.

Юноша железнодорожного вида в фуражке с молоточками, навевающими воспоминания об ушедших временах, показывает рукою на полотно и говорит:

— Даже если вам зачем-то придет это в голову и вам очень этого захотелось, все равно не надо ложиться под идущий состав!

Как бы в подтверждение своих слов юноша с молоточками садится на корточки и опять указывает рукой — теперь уже на премерзкого и устрашающего вида крюк, свисающий из-под днища вагона:

— Поймите, — тоном врача-практиканта из психушки говорит юноша, — от нижней тяги до шпалы всего тридцать четыре сантиметра.

Юный путеец заглядывает в глаза и в души невидимых зрителей:

— Естественно, вам может показаться, что если вы хорошенько вдавитесь в землю и спрячете голову, то вам ничего не будет. Но это если гравий не лежит бугром. А если вас зацепит за одежду и пойдет разматывать по шпалам? — Юноша нехорошо усмехается. — Или у вас большой живот? Тридцать четыре сантиметра — всего лишь тридцать четыре! — отделяют вас от грани добра и зла.

Юноша вынимает складной метр, меряет расстояние и показывает результат крупным планом, на котором отчетливо видны не тридцать четыре, а двадцать пять сантиметров.

— Тем более, — говорит он...

Сергей Леонидович выключил телефон, поежился и даже поерзал спиной на своем диване.

Есть некоторые вещи, непереносимые для того или иного человека. Некоторые не переваривают крыс, о чем писал еще Оруэлл в «1984»-м. Другие боятся до потери пульса змей, скорпионов и пауков «черная вдова». Кто-то боится высоты настолько, что не выходит даже на собственный балкон помочь жене развесить белье и курит, трусливо стоя в проеме. Да мало ли еще. Много есть бзиков или, проще говоря, фобий. И почти все они были присущи Сергею Леонидовичу. Поэтому он так живо представил тот момент, когда его, насаженного на крюк, «разматывает» по рельсам, что он даже прикрякнул.

Сергей Леонидович встал, надел майку, шорты, кеды и пошел в парикмахерскую. Он уже зарос без Натальи до такой степени, что с висков свисало нечто подозрительно похожее на пейсы.

А так он любил ходить летом обнаженным, в смысле дома. Наталья уехала к сыну в Финляндию подальше от греха, тетя Раиса Васильевна жила на даче до осени, поэтому он мог ходить по квартире как угодно, особенно в жару с духотой.

Парикмахерская «100 грн.» находилась напротив автовокзала.

Сергей Леонидович заходил в нее еще утром, в восемь, когда шел с работы, но все два кресла были заняты, а на улице стоял и курил, дожидаясь своей очереди, еще и солдат из теробороны. Сергей Леонидович не стал ждать и пошел домой. А сейчас пошел, думая, что никого не будет.

Он недавно получил давно лелеемое в мечтах пенсионное удостоверение и заранее смаковал скидку в двадцать гривень для пенсионеров в этой парикмахерской, потому что в других ее не давали.

Эту надпись на витрине: «Все по 100 грн. Одной насадкой или пенсионеров по возрасту — 80 грн.» — он видел много раз и каждый раз думал: «Н-да-с... Живут-с...»

В глубине души, будучи фаталистом и мистиком, Сергей Леонидович не рассчитывал дожить до пенсии. Это было его очередной фобией — «боязнь шестидесятника». Его дедушка по маме, Василий Михайлович, кубанский казак, умер, едва перевалив за шестьдесят, от инсульта. Правда, он крепко пил самогон. На работе два сотрудника, дожив было до шестидесяти, умерли, так и не успев не только получить, но даже оформить пенсию. Один сторел, спя с сигаретой в летней кухне, а второй, тоже в пьяном виде, упал в погреб, сломал ребро, но решил сэкономить на больнице и умер от заражения крови. Поэтому эта роковая дата, шестьдесят, как в свое время тридцать семь для Пушкина или сорок два для Высоцкого, все время навевала на Сергея Леонидовича темное предчувствие.

Но вот пришло и прошло девятое апреля, день рождения Сергея Леонидовича, начались и окончились мытарства и волнения, связанные с оформлением пенсии, а с Сергеем Леонидовичем как ничего не было, так ничего и не случилось.

Пенсия вышла такая маленькая, что он прибрехал на работе, сказав цифру на тысячу гривень больше. Все сказали: «Вот с..., сами миллиарды крадут, а тут живи как бомж!» Но лично Сергей Леонидович был доволен. Вообще, будучи философом и стоиком, он считал, что хватает тому, кому ничего не надо, что, конечно, было правдой.

Он еще не привык к своему новому статусу баловня судьбы и все еще с чувственным наслаждением говорил в трамваях и троллейбусах самым небрежным тоном: «Пэн-сыйнэ», платя четыре гривны вместо восьми. И было жаль, что в маршрутках уже давно отменили такую скидку. Он даже получал дополнительное удовольствие от того, что кондуктора, люди битые и недоверчивые, с сомнением смотрели на Сергея Леонидовича, не веря, что ему уже есть шестьдесят, ибо он всегда, с самой молодости, был чрезвычайно моложав. Как-то однажды, через три года после армии, когда он женился и поехал на море с Натальей по путевке, в одном пляжном ларьке ему не дали бутылки крепленной «Лидии», пока он не принесет паспорт. Но если тогда, в семьдесят пятом, ему хотелось рвать и метать, чтобы разнести этот вшивый притон вместе с Одиннадцатой станцией Большого Фонтана, то теперь он радовался своей непреходящей молодости. Тем более она была заслуженна: Сергей Леонидович не кушал сала после шести, на работу ходил пешком и раз в четыре дня делал зарядку для шеи от остеохондроза, упражнения для которой он взял из календаря.

Поэтому, подходя к парикмахерской, Сергей Леонидович заранее предвкушал удовольствие от пенсионной скидки и от недоверия и удивления парикмахерш, что такому моложавому мужчине уже шестьдесят. Разумеется, дело упиралось не в эти двадцать гривень экономии, на которые по теперешним временам было не купить даже буханку дешевого «Селянского», но все же это было делом принципа, а какого, он, в сущности, не знал, но если бы задумался, то понял бы, что кайфует, что, как и другие хваткие, деловые люди, вроде депутатов или министров, стрижет пух и перья с государства.

Сергей Леонидович, покуривая, подошел к дверям «100 грв.», заглянул и увидел, что оба кресла опять заняты, но что солдат теробороны, не тот, что утром, а другой, уже достригается и можно подождать.

Сергей Леонидович, наблюдая обычные привокзальные сценки, в частности цыганок, патрулей и инвалида в роскошной электроколяске, задумался. Но не успел он выбрать предмет размышлений, как взвыла сирена воздушной тревоги, и он нырнул в двери «100 грв.», то есть не нырнул, а быстро зашел. Раньше, в начале войны, ничего не работало. А когда понемногу заработало, то при первой же сирене из всех магазинов, аптек или парикмахерских клиентов сразу выгоняли на улицу, считая, видимо, что там им безопаснее. Сергей Леонидович всегда вспоминал при этом один момент в «Золотом теленке», где один инженер, якобы отравленный удушливыми газами, говорил, вырываясь из рук санитаров: «Но я же ехал на извозчике!» Но потом, с течением времени, хотя ракеты иногда продолжали прилетать, выгонять стали все меньше и меньше, наплевав на грозные «вказивки» пана городского головы, а потом и вовсе забили. Это было правильно, ведь людям надо было кормить семьи, а не ждать у моря погоды.

Так что сейчас парикмахерши и два клиента — солдат и какая-то тетка с прической, как у Смоктуновского в «Гамлете», — даже не повели ухом, продолжая свое дело.

Тут боец наконец встал, отряхнул остатки волос с ушей, сказал: «Дякую», надел «бандеровку» и пошел на выход, ничего не платя, потому что военных стригли и поили кофе везде бесплатно.

— Пэнсийнэ, — с деланой небрежностью сказал Сергей Леонидович, усевшись в кресло, парикмахерше, подметавшей полы. — Сзади и сбоку «ноль», сверху «шестерка». Брови снять.

— Чубчик оставлять? — спросила девчонка-парикмахер, жуя резинку.

— А как же, — сказал Сергей Леонидович. — Пусть будет. Для красоты.

Постригшись и помолодев еще больше, Сергей Леонидович с тем особенным чувством бодрости, с которым мужчина выходит из парикмахерской, вышел на улицу и пошел домой.

Он жил недалеко от автовокзала, рядом с железнодорожным вокзалом. Это было, конечно, стремноватое место. Все уже знали, как опасно жить рядом с военными частями, нефтебазами, полигонами, военными аэродромами, а также школами и детскими садами, где селили военных. И естественно, железнодорожный вокзал тоже не был исключением, представляя ценность для «Калибров» и «Искандеров». Было просто счастьем, что Житомир не был узловой станцией и потоки воинских грузов обтекали его с двух сторон. Но коню понятно, что это еще не давало никаких гарантий, и все жители улицы Вокзальной и Вокзального переулка жили «на измене», вздрагивая от хлопнувшей подъездной двери и с тоской вслушиваясь в воздушные тревоги. У многих все окна и балконные двери со стороны привокзальной площади были круглые сутки приоткрыты, что якобы предохраняло стекла от воздушной волны. Иные даже клеили окна бумагой крест-накрест, вызывая вполне понятные ассоциации.

Но Сергей Леонидович, как старый стоик и фаталист, не только не клеил окна, но даже не бегал в бомбоубежище. А когда соседи говорили ему об этом, он говорил:

— Та! — бравируя своей бесшабашностью. Хотя на самом деле всегда лежал в ванне, свернувшись калачиком, так как где-то прочитал, что ванная самое безопасное место в доме.

К тому же, будучи мистиком и стоиком, дураком он не был и обходил здание вокзала стороной, садясь в троллейбус в квартале от него и не заходя внутрь, хотя там в киоске продавались уцененные кроссворды.

Сергей Леонидович попил американо под гастрономом «Зализнычник», закурил, посмотрел на вокзал, и ему почему-то вспомнился крюк под вагоном.

Тут, как по заказу, завывла сирена воздушной тревоги.

— Не нужно ложиться под поезд, — пробормотал Сергей Леонидович и побежал домой дворами.

ЖИЗНЬ И МНЕНИЯ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА КУСЬКАЛО, ЭСКВАЙРА

Конечно, насчет эсквайра это прикол, на самом деле Петр Николаевич был пенсионером на «минималке», а не эсквайром. Да и эту «минималку» он получил в шестьдесят просто чудом, потому что у него не было тридцати пяти лет трудового стажа, а всего лишь тридцать и четыре месяца. А надо было иметь в крайнем случае двадцать девять, чтобы получать хоть что-нибудь, а иначе нужно было дожить до шестидесяти пяти, чтобы получать, но не пенсию, а соцпомощь, которая вообще составляла двадцать долларов и была, таким образом, несовместима с жизнью, особенно в данный момент, когда инфляция так галопировала, что десяток яиц стоил семьдесят две гривны вместо четырнадцати до войны.

О нескольких моментах жизни этого псевдоэсквайра Петра Николаевича, а также о его мнениях насчет этой жизни этот рассказ.

1. Всемирный день психического здоровья

За окном внезапно раздался чудовищный взрыв, электричество с водой пропали, и Петр Николаевич, приподнятый неведомой силой, шмякнулся на задницу.

Взрыв, казавшийся недалеким, на самом деле был черт знает где, в стороне Бердичева, так что ни о какой взрывной волне речи идти не могло, тем более что и стекла только дребеднули, а не вылетели, а просто Петра Николаевича кинула на пол какая-то эмоциональная сила, овладевшая им в тот миг. Очевидно, он хотел броситься плашмя, но, учитывая ограниченную подвижность старого тела, ограничился маневром на пятую точку.

— Не любит, ох, не любит! — нервно смеясь, воскликнул Петр Николаевич, вставая на четвереньки, а с четверенок на ноги и имея в виду Путина, мстившего за Крымский мост.

Тут же раздался звонок по телефону. Конечно, звонил Валерка Галин.

— Чеси в подвал, скотина! — заорал он, как всегда, с нотками паники. — Дождешься, дурак! Мы с Алкой и Бубликом уже под подъездом! Отвечай потом за тебя!

— Да я уже бегу, бегу! — сказал Петр Николаевич и отключился.

Неожиданно раздался еще один чудовищный взрыв со стороны котельной напротив тюрьмы, дом опять всколыхнуло, но Петр Николаевич только пригнулся и на задницу больше не падал, а будучи фаталистом, продолжил свои занятия.

Когда произошли эти два события, Петр Николаевич делал зарядку.

Зарядка была «дембельская» — без отжиманий от пола, без подъема шестикилограммовых гантелей и других молодеческих забав, а просто Петр Николаевич махал ногами взад, вперед и вбок, держась за край стола. Плюс пресс и небольшие приседания вроде книксенов. А на плечевой пояс, на широчайшую и на бицуху Петр Николаевич не делал уже месяц, так как у него был бурсит.

Сделав зарядку, Петр Николаевич сполоснул подмышки из ковшика, сходил по-маленькому в двухлитровую бутылку с прорезанным «окошком»; газ был, и он поставил чайник; положил в холодильник под морозилку кусок целлофана и половую тряпку; сорвал листок календаря: «Десятое октября, — прочитал он. — Игнатий, Каллистрат, Аристарх, Савватий... гм-гм... Акулина, — сказал он. — Всемирный день психического здоровья».

Петр Николаевич почесал ноющую ягодицу.

— П...ц какое здоровье, — сказал он, — у всемирных психов.

Глядя в зеркало, он нанес на правый локоть йодную сеточку.

— Бурсит этот еще! — сказал Петр Николаевич. — Як нэ срачка, то пердячка!¹

2. Бурсит

Доктор-травматолог вытащил из локтя Петра Николаевича иглу большого шприца, наполненного сукровицей, и пытливо посмотрел ему в глаза, не сомлеет ли.

Петр Николаевич ответил травматологу мужественным взглядом древнего римлянина. Лишь где-то в глубине его глаз плясали подозрительные чертики: «Муций, б..., — пронеслось у него в мозгу, — Сцевола».

Некоторое время назад у него образовался бурсит.

О том, что это бурсит, а не что-то другое, Петр Николаевич узнал из ютуба.

Этим словом, навевающим ему ассоциации с бурсой, где учились Хома Брут и богослов Халява, обозначалось воспаление суставной сумки локтя с выделением в нее жидкости, формирующей поганого вида опухоль, свисающей сизым «мешочком» небольшого, но бросающегося в глаза размера.

Бурсит бывает инфекционный и травматический. Инфекционный бывает от инфекции, а травматический от удара.

Все часто или хотя бы иногда бьются локтями о ручки дверей, или стенку ванны, или еще обо что-нибудь и, покряхтев и потеряв больное место, тут же забывают об этом «инциденте».

И Петр Николаевич также сто раз бился локтями за свою жизнь и, прошипев: «С-с-с!..» — и потеряв потерпевшее место, забывал о нем.

Как вдруг недавно, случайно поглядев на согнутую руку в профиль, Петр Николаевич увидел странный синеватый нарост, свисающий с локтя.

— Е...ть-копать! — только и сказал Петр Николаевич, ненавидевший такие сюрпризы.

Сначала он не обратил на эту фигню внимания, продолжал обычную жизнь и даже отжимался на спинках стульев и таскал в больной руке картошку с базара или шестилитровые бутылки из автомата с водой.

Но посмотрев на локоть в следующий раз, Петр Николаевич увидел, что он стал еще больше, и побелел.

Тут уж он серьезно занялся лечением: мазал раздувшийся «мешочек» мазью «Секреты Парацельса», бинтовал его эластичным бинтом, укутывал теплым шарфом на ночь, а утром подолгу держал под холодной струей из крана.

Ничего не помогало, и опухоль не спала ни на миллиметр.

Будучи чрезвычайно мнительным, Петр Николаевич уже начинал подозревать плохие вещи.

Особенно его почему-то пугало, что больной локоть совершенно не болел, не мешал и просто функционировал как ни в чем не бывало, как будто с него ничего не свисало.

¹ Як нэ срачка, то пердячка (укр. присказ.) — не понос, так золотуха.

Будучи исключительно впечатлительным, Петр Николаевич вспомнил смерть Ивана Ильича, происшедшую примерно в таких же обстоятельствах, и даже стал подозревать у себя рак локтевой сумки.

Но все это, конечно, была ерунда, а Петр Николаевич был просто дурак, раз думал такое.

И вот в один прекрасный день, а именно двадцатого сентября, Петр Николаевич получил свою минимальную пенсию в размере двух тысяч пятисот пятидесяти трех гривен, отложил пятсот на сигареты, а с оставшимися двумя штуками пошел сдаваться в частный кабинет «Алхимия стихий» на Новом бульваре. А почему было не сходить даром в родную третью поликлинику, это долгая и печальная история, начавшаяся сразу после революции «гидности»².

Естественно, Петр Николаевич еще кое-где подрабатывал, а иначе дел с медицинской можно было даже не начинать.

Петр Николаевич в молодости был наладчиком ампульных полуавтоматов «ИО-18», а сейчас работал сторожем на одной стройке, «замороженной» до лучших времен.

И вот не прошло и пары-тройки недель, как получивший научное лечение бурсит дрогнул, съезжился, отступил и пошел на спад. И вскоре о нем почти ничто не напоминало, кроме сморщенной кожицы, похожей на старческую мошонку.

Петр Николаевич решил выждать еще месяцок, дать локтю пройти окончательно и пока не качаться в полную силу, когда прилетели гостинцы от Каспийской и Черноморской эскадр.

Это было вовремя, то есть не прилеты, а заживший локоть, потому что два месяца бурсита так измотали нервы Петра Николаевича, что он начал курить не по средствам.

3. Нервные люди

Но в сущности, это были одни разговоры, а в принципе Петр Николаевич не был нервным. То есть не в том плане, что он был само хладнокровие или спокойным мудрецом, а в том, что его мозг удивительно быстро тупел, не выдерживая перегрузок и включая защитный механизм.

То же самое было с девяностами процентами других граждан. Но оставшиеся десять тяжело переносили военное положение, в котором оказалась Украина, в ожидании неприятностей в виде «Калибра», «Искандера» или бомбы с «Герани-2».

Некоторые не выдерживали самих звуков воздушной тревоги и буквально бегали по стенам, заслышав ее.

Не оставляло сомнения, что в этом звуке была изначально заложена хитрая частота типа «голоса моря», которая влияла на какие-то подспудные струны психики, чтобы человек не ленился и не забивал, а хватал «тревожный» рюкзачок, детей, собак, котов, жен, старуху тещу и бежал с ними в бомбоубежище, а не манкировал опасностью, думая: «Т-т-а-а...»

У Петра Николаевича его друзья Галины как раз были такими нервными.

Обычная картина выглядела так: Петр Николаевич часто бывал у Галиных в их обкомовской «сталинке» на Большой Бердичевской, чтобы проводить с друзьями досуг, пия хороший кофе, куря хозяйское «Собрание» и болтая о чем-то постороннем, не связанном с войной, а потом обедая и ужиная, потому что Наталья уехала беженкой за границу, а Галины, добрые души, подкармливали этого непрактичного и, что греха таить, бестолкового друга, потому что сами не могли смотаться, оставив зятя-

² Гидность (укр.) — достоинство.

прокурора, которому выезд был запрещен, и дочку Глашу, жену этого прокурора, с двумя собаками и котом жившую в прокурорском особняке.

Бывало, сидят они на кухне, кушают сыр пармезан и прочие испанские хамоны из «Пана Марципана», Алка пьет красный «сухарик», Валерка с Петрухой ром, джин и кальвадос, все тихо, мирно, и вдруг медленно, начиная перемешивать мозги с кишками, совсем рядом, через дом, начинает заводиться и выть сирена воздушной тревоги.

Тут же Алка, запнувшись на полуслове, начинала по-бабьи рыдать, не в силах справиться с собой, а Валерий Олегович вскакивал и начинал судорожно надевать на себя теплые вещи, хватать рюкзак с документами и деньгами, сажать на поводок дряхлого пуделя Бубу и так ругаться, что сразу чувствовался декан литературного факультета.

Петр Николаевич выходил на балкон, чтобы не мешать семье и заодно поглядеть, не летит ли что-нибудь, и вскоре сирена умолкала, объявлялся отбой, и все возвращались за стол, нервно хихикая и крутя головой. В другом случае Петру Николаевичу приходилось сидеть с Галиными в подвале, оборудованном под бомбоубежище, и слушать рассуждения соседей, старичков обкомовцев, что будет, если их всех завалит.

Конечно, все это было глупо и стыдно, ведь война до Житомира еще не докатилась в полном объеме, и по сравнению с солдатами на передовой или с тысячами погибших мариупольцев житомиряне ничего пока не видели и не нюхали, но ведь нервам не прикажешь, тем более что ожидание зачастую хуже самого факта.

Дети, особенно маленькие, которых необъяснимо много оставалось в городе, так что приходилось удивляться, о чем думают их родители, вообще не чувствовали никаких неудобств, и их веселые крики доносились с улицы в самый разгар воздушной тревоги, смешиваясь с ревом сирены в какой-то потусторонней симфонии, если не сказать — инфернальной какофонии.

Петру Николаевичу, лежащему, как обычно, на диване с книжкой, все это попахивало Кафкой с примесью Хичкока.

4. Легенда о Кальтенбруннере

Но как ни были слабы нервы у иных граждан, их нервы не шли ни в какое сравнение с нервами патриотов.

Со всеми патриотами, известными Петру Николаевичу, в последние месяцы происходили удивительные в плане чувств вещи.

У Петра Николаевича был свояк, Витек Баландюк. В том плане, что они были женаты на родных сестрах. В смысле не на своих, а на чужих. Ну, короче, понятно.

Петр Николаевич был женат на старшей из девиц Мельниченко, Наталье, сидевшей беженкой в маленьком финском городке Валкеооски, а Витек, электрик по образованию, на младшей, Анжеле, тоже беженке, сидящей в Германии, в Нюрнберге.

И у Витька Баландюка, который был широко пьющей душой, постоянно гуляли гости, его кореша, такие же, как и он, вчерашние или позавчерашние селюки, ставшие горожанами в девяностых, когда из Житомира уехали все, кто составлял, как говорится в Библии, «соль» Житомира: евреи, поляки и часть кацапов.

И эти друзья были все как на подбор патриоты, майдановцы и фарионовцы, и точно такими были их жены-жлобихи.

Петр Николаевич, городской пацан, книгочей и интеллеktуал, насколько это позволено для сторожа, долго не знал, как ему себя вести за одним столом с этой гопкомпанией и о чем говорить, чтобы не оказаться евреем в разгар «хрустальной ночи», ибо он признавал войны неотвратимыми, политику делом тонким, а хохлов фантасти-

ческими идиотами, самими виноватыми в происходящем с ними кошмаре. Впрочем, таким идиотом стал бы любой народ, за которого взялись коты-баюны мирового зла, что и видно по совершенно дурацкой русофобии.

Собственно, мириться с человеческими минусами легко, если не любить и презирать людей. Петр Николаевич всегда усмехался, вспоминая трактирщика Паливца из «Солдата Швейка»: «Человек-то думает, что он перл природы, а на самом деле он говно». Если знать об этом, то все встает на свои места и возмущаться совершенно нечем. Нужно просто постараться выжить в этом единственном, как утверждал Лейбниц, и лучшем, как стебался Вольтер, из возможных миров. А пока суть да дело, Петр Николаевич быстро выпивал пять-семь рюмочек и тогда уже общался с ура-бандеровцами легко и свободно, как геркулесовец Бомзе из «Золотого теленка» со своими сослуживцами.

Нет лишней необходимости уточнять и рассказывать о пещерном национализме и дикой ксенофобии друзей, ведь патриотов хватает везде, особенно среди братских славянских народов.

И вот у них-то с нервами, особенно после сдачи Херсона и падения Мариуполя, стали происходить самые необратимые вещи.

Придя к Витьку в последний раз в гости, точнее сказать, не в гости, а на годичный поминальный обед, посвященный смерти Витькова отчима Всеволодовича, умершего прошлой осенью от ковида, Петр Николаевич только диву давался происшедшим с патриотами переменам. Он даже забыл о стремительных семи рюмочках, глядя на них.

Не было сейчас ни обязательной «пятиминутки ненависти» с пожеланиями сдохнуть: Путину, Бацьке, москалям, бульбашам, китайцам, персидцам, отчасти мадьярам; их матерям, отцам, бабушкам, дедам, а также детям, рожденным и нерожденным. Не было пьяных обещаний напоить радиаторы козацких танков водой из Волги и Амура и так далее, а были осторожные застольные беседы образца 1937–1938 годов, когда мысли держатся при себе, а вслух говорится нейтральное и понимаемое как угодно.

Больше же всего умиляло Петра Николаевича, что никто из Витьковых друзей-патриотов так и не пошел воевать, хотя все были как на подбор здоровые красномордые хлопцы или жилистые, верзилистые, самого что ни на есть подходящего возраста — сорока — сорока пяти лет.

Идя домой с пакетом недоеденных закусок, Петр Николаевич думал об этом и вдруг вспомнил Кальтенбруннера из «Семнадцати мгновений весны».

Кальтенбруннер сидел у себя в Шестом управлении РСХА и «причесывал» одного бокореза, не взорвавшего Краков при отступлении: «Ах, хотели бы на передовую? Под бомбы и пули? Какой умный бригаденфюрер нашелся! Любой дурак мечтал бы отправиться на Восточный фронт, чтобы подставить там лоб во имя фюрера! Я-я! Натюрлих! Это проще всего! А кто будет сражаться с врагами рейха тут, на Вильгельмштрассе? Я, что ли, со Штирлицем?..»

Так и эти патриоты, думал Петр Николаевич, не ищут легких путей под Балаклеей и Краматорском, а воюют тут, на месте, с сепарами, коллаборантами и другой русскоязычной сволочью, я-я. Вернее, воевали, пока в ютубе не стали показывать, как на временно оккупированных территориях местных патриотов ведут в подвал для воспитательной беседы.

Да, думал Петр Николаевич, ничто так не портит нервы и не подрывает психику, как жизнь в городе, далеко от фронта и горячей фазы войны. Там-то, на фронте, психика сразу ломается и исчезает, а остаются только инстинкты или, лучше сказать, рефлекс, оставленные нам на память предками-питекантропами.

И вообще, думал Петр Николаевич, никогда не слушайте новостей перед обедом, а также завтраком, ужином и на ночь глядя, особенно от Арестовича, чтобы не нару-

шать подколенный рефлекс и не быть в угнетенном состоянии духа. А то что же, с утра и до ночи: «Суловикин-Суловикин...», «Армагеддон-Армагеддон...», «карт-бланш-карт-бланш...».

5. Дорога на Кальду

Хорошо выпивший Петр Николаевич шел по городу из гостей и наблюдал разнообразные сцены и приметы времени: там на Восточной три теробороновца с желтыми повязками на рукавах и карабинами «Сайга» окружили и затолкали в подворотню какого-то терпилу и пытались втюхать ему повестку; тут из зеленого джипа, похожего на тачку Безумного Макса, вылезала такая шикарная телка в камуфляже, что Петр Николаевич долго смотрел вслед тугим пятнистым ягодицам; то вдруг раздавалась сирена, и из всех магазинов, парикмахерских и кафе валил народ, как при морском аврале.

«Иду... — думал Петр Николаевич. — До дому, до хаты...»

Он бы и поехал, но для пенсионеров отменили половинный проезд в электро-транспорте, так что он ходил пешком, как бы далеко ему ни было. Во-первых, это было дешево и полезно для здоровья, во-вторых, электротранспорт все равно не ходил из-за экономии света. А на маршрутке за четырнадцать гривень нормальные пенсионеры не ездили.

Он взял в ларьке американо и закурил в общественном месте.

«Иду себе, — думал он. — Дорога, б..., на Кальду...»

Ему вдруг стало неприятно за Кафку, что Франц — гений-то гений, да не всегда. Как жалка была эта попытка написать повесть «из русской жизни» — «Воспоминание о дороге на Кальду». Как сценарий Рижской киностудии по мотивам Чейза.

Тут внимание Петра Николаевича привлекла надпись в витрине, написанная раздраженной рукой: «Увага!! Свічок та лихтариків немає!!!»³, и он с грустью подумал, что если зимой ничего не будет, то к весне он будет как тот бомж из «Голода» Кнута Гамсуна.

Петр Николаевич плюнул на газон тягучей слюной, пошел и дошел без всяких приключений.

От автора

Нужно было бы, может быть, говоря о такой вещи, как братоубийственная война, сказать о чем-нибудь светлом, жизнеутверждающем, дарящем надежду на будущее и так далее, а не писать об этом Петре Николаевиче Куськало, который на самом деле никакой не Петр Николаевич⁴, а черт знает кто. Так уж принято, чтобы лицо автора пряталось за дымовой завесой чужого имени. Раньше это делали из уважения к инквизиции, императору Нерону или НКВД, и сейчас тоже не просто так.

³ Свічок та лихтариків немає (укр.) — свечей и фонариков в продаже нет.

⁴ Настоящий П. Н. Куськало — заведующий отделением эндокринологии в больнице им. Гербичевского. Хороший мужик, как специалист и вообще.